

© 1996 г., ЭО, № 6

Т. Г. И в а н о в а

ИРИНА МИХАЙЛОВНА КОЛЕСНИЦКАЯ
(отдавая долги нашим учителям)

Время неумолимо. Постепенно уходит из жизни то поколение русских этнографов и фольклористов, которое начало свой путь в науке накануне Великой Отечественной войны. Нам остаются их труды: большие и малые, выдающиеся и скромные по своим масштабам. В кругу множественных характеристик, которыми можно определить вклад того или иного ученого в науку, есть одно важное — и может быть самое главное — слово: честный. Именно к таким честным труженикам фольклористики принадлежала Ирина Михайловна Колесницкая, доцент кафедры истории русской литературы Ленинградского (ныне Петербургского) государственного университета.

И. М. Колесницкая родилась 10 августа 1917 г. в Петрограде. Ленинградский университет и стал ее alma mater (1935—1940). Как фольклорист И. М. Колесницкая сформировалась в студенческом кружке при кафедре фольклора Ленинградского университета, которой руководил М. К. Азадовский. Во второй половине 1930-х годов вокруг маститого профессора объединились юные тогда А. Д. Соймонов, Н. В. Новиков, Ю. М. Лотман, чуть позднее К. В. Чистов, имена которых ныне хорошо известны в фольклористике и шире — в филологии. Была среди учеников М. К. Азадовского и И. М. Колесницкая. Ее первые научные темы, безусловно, диктовались интересами учителя, а того, как известно, в 1930-е годы занимали проблемы взаимосвязей литературы и фольклора и история русской фольклористики.

В 1937 г. члены кружка тиражом в 50 экз. издали «Студенческие записки филологического факультета (специальный номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка)», где и была опубликована первая статья И. М. Колесницкой — «„Сказка о Иване царевиче, жар-птице и сером волке“ в обработке Языкова и Жуковского». Уже в этой ученической работе можно уловить ростки тех важных черт, которые необходимы каждому филологу: понимание значимости при научном анализе текстологических проблем; чувство стиля, указывающего на чисто литературные и на устно-поэтические по своим истокам стороны литературного произведения.

Вторая статья И. М. Колесницкой носила историографический характер — «Русские сказочные сборники последней четверти XVIII века»¹. Тогда же М. К. Азадовский привлекает свою ученицу к экспедиционной работе. Вместе с ним И. М. Колесницкая готовит комментарии к сборнику «Сказки Магая (Е. И. Сорокикова)» (Л., 1940). Тщательное сопоставление разновременных записей одного и того же сюжета от знаменитого сибирского сказочника, указание на книжные источники различных мотивов, сравнение с вариантами других мастеров фольклора — эти и другие вопросы в соответствии с тенденциями науки предвоенного времени находят отражение в добротных комментариях к сборнику сказок Магая.

Однако в студенческие годы И. М. Колесницкая не замыкается исключительно в литературоведческой сфере фольклористики. Молодая исследовательница остро чувствует этнографическую проблематику устно-поэтических произведений. Ей хорошо знакомы имена Д. К. Зеленина и Е. Г. Кагарова — представите-

лей этнологического течения в науке 1920—1930-х годов. Уже в самом начале своего научного пути И. М. Колесницкая осознала продуктивность приложения их идей непосредственно к вербальному тексту — к фольклорному жанру во всем его художественном своеобразии.

Последняя предвоенная статья И. М. Колесницкой — «Загадка в сказке», опубликованная в 1941 г. в 81-м томе «Ученых записок Ленинградского университета», — во многом этнографична. Это удивительно цельная и зрелая работа. Трудно поверить, что «Загадка в сказке» — дипломное сочинение студентки пятого курса, причем студентки, которая была ученицей М. К. Азадовского, в работах которого проблемы генезиса фольклорных жанров занимали отнюдь не первое место.

В названной статье помимо Д. К. Зеленина и Е. Г. Кагарова сказывается влияние еще одного выдающегося ученого XX столетия — В. Я. Проппа. Кстати, «Загадка в сказке» блестяще опровергает одну из легенд нашей науки: мнение о том, что идеи В. Я. Проппа якобы не нашли отклика в фольклористике 1930-х годов и были оценены отечественными учеными только после того, как имя этого исследователя стало известно на Западе. Все было совсем не так. «Морфология сказки» (1928) в 1930-е годы была хорошо известна российским фольклористам. Термин же «функция» уже тогда получил права гражданства в нашей науке. В 1939 г. В. Я. Пропп защитил докторскую диссертацию по генезису волшебной сказки (будущая монография «Исторические корни волшебной сказки»), где утверждалась мысль о ритуально-обрядовых истоках сказочных сюжетов. Эта пропповская идея тоже была хорошо знакома предвоенной науке и разделялась многими его коллегами. Методологические принципы В. Я. Проппа, заявленные им в «Морфологии сказки» и в докторской диссертации, в полной мере отразились в статье И. М. Колесницкой «Загадка в сказке». На рукопись «Исторических корней волшебной сказки» исследовательница, кстати, ссылается в своей работе. Выявив круг сюжетов, в которых имеются загадки, фольклористка указала на то, что функция загадок в сказочном повествовании сродни трудным задачам, с которыми сталкивается герой волшебной сказки. Не без основания И. М. Колесницкая предположила, что сказочные сюжеты, зерном которых являются загадки, относимые обычно к новеллистическим сказкам, вполне можно причислить к волшебным (ср. указание В. Я. Проппа на то, что сюжет анималистической сказки «Волк и семеро козлят» строится по законам структуры волшебной сказки). Корни загадок, встречающихся в сказках, исследовательница в соответствии с методикой В. Я. Проппа ищет в реалиях этнографии: в обычае предсвадебного испытания жениха; в ритуальном состязании царей; в обрядах, которые связаны с принятием в род нового члена. Загадки вырастают из иносказательной речи, которая использовалась в обрядах и быту. Иносказательная же речь рождалась вследствие табу на называние тех или иных предметов (чтобы злые духи не могли навредить охотничьему, рыбному промыслу и т. д.).

Работа И. М. Колесницкой «Загадка в сказке» остается поразительно свежей и актуальной и в наши дни. Это одно из немногих в нашей фольклористике плодотворных исследований жанра загадки. Кстати, загадка и стала предметом исследования в ее кандидатской диссертации, к работе над которой под руководством М. К. Азадовского И. М. Колесницкая приступила в 1940 г. сразу же после окончания университета. Статья «Загадка в сказке» свидетельствовала, что в фольклористику в 1941 г. пришел новый даровитый ученый. Казалось бы, ничто не препятствовало плодотворному научному пути молодой исследовательницы. Но время распорядилось по-своему: после статьи «Загадка в сказке» И. М. Колесницкая замолчала на десять лет.

Молчание первой половины 1940-х годов объяснимо объективными причинами: война не способствовала публикации фольклористических трудов. Самые тяжелые месяцы ленинградской блокады И. М. Колесницкая прожила в родном городе. Здесь один за другим погибли от голода ее родные. Саму И. М. Колесницкую в последней стадии дистрофии вывезли из Ленинграда в февралье

1942 г. Она оказалась в Саратове, куда во время войны был эвакуирован Ленинградский университет. Здесь после выздоровления она возобновляет научную работу, защищает кандидатскую диссертацию «О происхождении жанра народной загадки».

Вскоре — с 1 января 1944 г. по 1 октября 1947 г. — И. М. Колесницкая становится докторантом Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, который был эвакуирован в Казань. В ИЛИ (определение «русская» в названии Пушкинского Дома появится позднее) в это время одним из перспективных направлений считался задуманный коллективный труд «История поэтических систем», фундаментом которого были идеи А. Н. Веселовского по исторической поэтике. Тема докторской диссертации И. М. Колесницкой была определена как «Поэтика волшебной сказки». В Петербургском отделении Архива Российской Академии наук сохранились планы и отчеты докторанта И. М. Колесницкой (ф. 150, оп. 1 (1944), ед. хр. 6, л. 43—47; ед. хр. 24, л. 35). Исследовательница ставила целью понять, на какой социальной и идеологической основе образовалась сказка; выяснить функции протосказки на древнейшей стадии ее развития; определить черты поэтики этого жанра, каковыми они были на раннем этапе его развития; изучить, как социально-экономические сдвиги, приведшие к созданию раннеклассового общества, отразились на сказке. Литература, на которую собиралась опираться фольклористка, включала в себя имена А. Ван-Геннепа, Г. Спенсера и т. д. Особо говорилось о значении работ А. Н. Веселовского, ставившего историю форм литературных и фольклорных жанров в прямую зависимость от развития социальных институтов и психологии общества. Непосредственных своих предшественников И. М. Колесницкая видела в И. И. Толстом, А. И. Никифорове, В. Я. Проппе. Последний с мая 1945 г., уже после возвращения института в Ленинград, был старшим научным сотрудником Пушкинского Дома и, как отмечалось в его отчетах, давал консультации И. М. Колесницкой. Диссертационное исследование могло получиться очень интересным. Залогом тому была статья «Загадка в сказке». 4 марта 1946 г. И. М. Колесницкая на заседании отдела фольклора Пушкинского Дома делала доклад «Поэтика повествовательного жанра фольклора первобытного общества» (ф. 150, оп. 1 (1946), ед. хр. 8, л. 2), который, по-видимому, отражал содержание первой главы ее диссертации. М. К. Азадовский, стоявший тогда во главе отдела, не сомневался, что на 1947 г. можно планировать защиту диссертации (л. 8).

Однако в 1947 г. грянула печально известная антикомпаративистская кампания. В печати появляется целый ряд статей, направленных против А. Н. Веселовского и сравнительно-исторического метода в литературоведении и фольклористике. Диссертация И. М. Колесницкой явно вступала в конфликт с теми официальными установками, которые диктовались советскими идеологами. Метод, которым велось исследование сказки, — жанра, не имевшего никакого отношения к построению «светлого будущего», — в глазах властей был не просто ошибочным, но порочным и наносящим вред строительству коммунизма, и как следствие этого, научный метод мог повлиять на судьбу ученого. Диссертационная тема И. М. Колесницкой была закрыта.

Наша фольклористика тяжело переживала очередную идеологическую кампанию, переломавшую судьбы многих исследователей. Надо было отказаться от дорогих, пострадавших идей, искать новые темы, менее опасные в глазах чиновников от науки. После окончания докторантуры И. М. Колесницкая возвращается в Ленинградский университет. Первым ее послевоенным опубликованным трудом стала статья 1951 г. «Некоторые проблемы народного творчества у Пушкина»². Антикомпаративистская кампания наложила на эту работу свой отпечаток. В начале статьи исследовательнице пришлось говорить о «вредности» метода компаративизма, о «буржуазном ученом» А. Н. Веселовском, о «веселовщине». Все это была необходимая идеологическая приправа, которая требовалась от ученых в то время. Никто — даже фольклористы самого высокого ранга — не могли избежать требуемой властями фразеологии (вспомним хотя бы вступ-

ление В. Я. Проппа к первому изданию его книги «Русский героический эпос»). Далее же в статье следует сжатый, грамотно построенный обзор литературы; формулировка цели и задач исследования; само исследование делится на разделы, главные мысли выделяются разрядкой; в конце работы еще раз формулируются выводы. Четкое построение и академичность стиля — это то, что характеризует работы И. М. Колесницкой на всех этапах ее научного пути, и то, чему она учила своих студентов. В статье «Некоторые проблемы народного творчества у Пушкина» фольклористка обращается к мало изученному тогда вопросу о роли песенной лирики в художественном творчестве А. С. Пушкина и в его собирательской деятельности, причем интерес поэта к песне исследуется не в статике, а в динамике.

Тема «фольклор и литература» на долгие годы стала ведущей в научных интересах И. М. Колесницкой. После статьи о Пушкине следует работа «Проблемы народного быта и народного творчества в демократической литературе 1860-х гг. (А. Л. Левитов, Ф. М. Решетников, В. А. Слепцов)»³, где представлены интересные наблюдения над фольклоризмом названных писателей. Целая серия статей посвящена творчеству Н. А. Некрасова: «Художественные особенности поэмы Н. А. Некрасова „Коробейники“»⁴, «Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х годов»⁵, «Некрасов и Кольцов (Вопросы художественного метода)»⁶, «Природа в крестьянских поэмах Н. А. Некрасова и в народном творчестве»⁷, «Пейзаж в поэмах Н. А. Некрасова 1850-х годов»⁸, «Из творческой истории поэмы Н. А. Некрасова „Мороз, Красный нос“»⁹, «Савелий — богатырь святорусский в поэме Некрасова и образы героев былин в критике и литературе 1860 — начале 1870-х годов»¹⁰. Все эти работы, с их точными наблюдениями, до сих пор не потеряли своего значения и высоко ценятся.

Благодаря своим работам по фольклоризму Н. А. Некрасова и писателей-народников, И. М. Колесницкая стала одним из ведущих специалистов по проблеме «устная словесность в собирательской и творческой деятельности писателей XIX в.». В 1960—1970-е годы исследовательницу приглашают к сотрудничеству самые авторитетные издания. В 1968 г. выходит в свет 79-й том «Литературного наследства» — знаменитые в фольклористике «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского». И. М. Колесницкой здесь принадлежат емкие, насыщенные огромным фактическим материалом вступительные заметки и комментарии к фольклорным записям А. В. Кольцова, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского. В коллективной монографии Пушкинского Дома «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (М.; Л., 1966) публикуется ее статья «Сказки». В 1976 г. фольклористка участвует в другом фундаментальном труде ИРЛИ — «Русская литература и фольклор (Первая половина XIX в.)», — где ею написан раздел, посвященный Д. В. Григоровичу. В сборнике Ленинградского университета «От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы» (Л., 1979) исследовательница печатает статью о фольклоризме М. Л. Михайлова.

В том же 1951 г., когда после долгого перерыва И. М. Колесницкая опять начала публиковаться, появилась ее статья «Проблемы этнографии и народного творчества в „Современнике“ 1850—1860-х гг.»¹¹, которая обозначила еще одну важную тему в ее будущих исследованиях — история русской фольклористики. В дальнейшем со свойственной И. М. Колесницкой тщательностью ею будут рассмотрены фольклористические аспекты деятельности некрасовских «Отечественных записок»¹², а также другого авторитетного журнала XIX в. — «Дело»¹³.

И. М. Колесницкая своими работами по истории фольклористики ввела в научный обиход неизвестные ранее архивные документы, уточнила многие факты. Так, опубликованные ею письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому проливают свет на непростую историю публикации знаменитого рыбниковского собрания былин¹⁴. Ей же принадлежит одна из самых обстоятельных работ о Срезневском, опубликованная в 8-м томе «Русского фольклора» (М.; Л., 1963). В 1975 г. И. М. Колесницкая в своей рецензии в шестом номере «Советской этнографии» обратила внимание отечественной фольклористики на работы

польских ученых о И. И. Срезневском. Она одна из первых после длительного молчания на страницах отечественной печати вспомнила о писателе-этнографе XIX в. С. В. Максимове. Сейчас одно за другим следуют переиздания трудов этого интересного писателя, а в 1968 г., когда в «Ученых записках Ленинградского университета» (Сер. филол. наук. Вып. 72. № 339) была опубликована статья И. М. Колесницкой, имя автора «Нечистой, неведомой и крестной силы» было почти забыто. На богатых архивных материалах построен очерк о В. Г. Богоразе-Тане¹⁵. Материалы этого собирателя послужили исследовательнице для постановки вопроса о взаимодействии русской и местной сказочной традиции на Северо-Востоке России¹⁶.

Научная судьба И. М. Колесницкой сложилась так, что в 1950—1960-е годы вопросы фольклоризма в творчестве писателей и в истории науки занимали главное место в ее работах. В этот период исследовательница выступает как яркий представитель того течения в фольклористике, которое в 1930—1940-х годах было создано М. К. Азадовским. Проблемы структуры и генезиса устно-поэтических жанров, столь емко осознанные И. М. Колесницкой в ее ранней статье «Загадка в сказке», практически не находят отражения в перечисленных выше статьях. Однако в 1970-е годы намечается новый поворот в научных интересах И. М. Колесницкой, возвращающий ее к методологии, заложенной в «Загадке в сказке». Исследовательница пишет целую серию статей о свадебном обряде. Современная наука изучает этот пласт народной культуры в основном в сугубо этнографическом аспекте; вербальная сторона обряда в настоящее время все чаще отодвигается учеными на второй план. Наиболее яркие работы по свадьбе сейчас пишутся этнографами, а не фольклористами. И. М. Колесницкая же в 1970—1980-е годы остается исключительно в фольклористической сфере народного обряда, не забывая при этом о его этнографических корнях. Свадебный обряд ее интересует во всем многообразии его жанров. С появлением новой темы в научных исследованиях И. М. Колесницкой главное место опять, как и в далеком 1941 г., начинают занимать проблемы структуры, композиции, поэтики, причем за всем этим стоит важнейший вопрос генезиса отдельных жанров, разновидностей песен, их мотивов.

В статье «Песни о предпочтении суженого в русском и украинском фольклоре»¹⁷ фольклористка рассматривает группу песен, в которых девушка всем членам своей семьи (отцу, матери, брату и т. д.) предпочитает милого. Эти песни, драматические по своей структуре, разнообразные по сюжетам, зафиксированы как в хороводно-игровом комплексе, так и в свадебном обряде. Н. П. Колпакова считала исконной их принадлежность хороводному циклу. И. М. Колесницкая же доказывает иное. Данные сюжеты имеются в свадебном фольклоре и русского, и украинского народов, и этот факт, полагает исследовательница, свидетельствует о их древних генетических связях именно с этим обрядом. В разных регионах песни о предпочтении суженого поются в разные моменты свадебного действия (на просватаньи, на девичнике и т. д.), однако они исполняются всегда в те моменты обряда, которые фиксируют соединение молодых (момент совместного сидения молодых в переднем углу избы, момент обмена кольцами и т. д.). Песни, таким образом, имеют комментирующий характер — свидетельствуют о соединении молодых, акте, который многократно повторяется на протяжении всего свадебного обряда.

В связи с изучением свадебного фольклора И. М. Колесницкая обращается к иноэтническому материалу — украинской, белорусской, болгарской, карельской, мордовской устной поэзии. Необходимо подчеркнуть, что сравнение русского материала с иноязычным у И. М. Колесницкой никогда не носит чисто формального характера. Так, в статье «Свадебные причитания русских и карел»¹⁸ исследовательница рассматривает особенности поэтики причитаний обоих народов. Отметив, что в свадебных плачах и карел, и русских большую роль играют эпитеты, фольклористка указывает на существенную разницу в поэтике причетной традиции этих этносов. В русских причитаниях определяемый предмет всегда

назван прямо («родимый батюшка», «желанная матушка»); в карельских же плачах в аналогичных случаях возникает метафорическая замена определяемого лица («моя на белый свет меня создавшая» вместо «матушка»). Поэтическая система карельских причитаний сохранила древние представления о табу в названии отдельных предметов, явлений, лиц. Русская же традиция отражает более позднюю ступень развития народного сознания. Объясняя феномен бытования причети в северо-русских районах и практическое ее отсутствие на юге России, исследовательница ставит под сомнение точку зрения Ф. А. Рубцова, который связывает становление свадебного плача с домостроевскими условиями жизни XVI в. Фольклористка присоединяется к мнению К. В. Чистова, настаивающего на роли финно-угорского субстрата в образовании севернорусской причетной традиции.

Сопоставление восточнославянских и болгарских свадебных песен (статья в пятом номере журнала «Советское славяноведение» за 1984 г.) ведется И. М. Колесницкой на основе важного методологического положения, заявленного в нашей науке еще Ф. И. Буслаевым: общие для названных народов композиционные формы и образы относятся к древнему пласту устной поэзии; отличные явления отражают позднейшие изменения.

Цикл статей и рецензий И. М. Колесницкой о свадебном фольклоре¹⁹ помог отечественной фольклористике яснее осознать своеобразие обрядовых песен каждого из родственных славянских народов и в то же время выявить общие генетические истоки образной системы народной лирики. Работы исследовательницы внесли много нового в наше понимание роли финно-угорского субстрата в сложении севернорусского свадебного обряда. И. М. Колесницкая описала простейшие (а следовательно и древнейшие) типы русских свадебных песен, комментирующих обряд и несущих в себе функцию заклинания. Ею были выделены основные темы севернорусских причитаний и показаны пути их варьирования. После работ И. М. Колесницкой наша наука имеет более четкое представление о взаимодействии хороводно-игрового и свадебного циклов. Словом, дальнейшее изучение свадебного фольклора невозможно без обращения к трудам И. М. Колесницкой.

Имя И. М. Колесницкой хорошо известно нашим зарубежным коллегам. Под ее руководством была написана и успешно защищена в 1978 г. аспиранткой из Болгарии Е. Критской-Ивановой кандидатская диссертация на тему «Свадебный обряд и свадебный фольклор донских казаков». В 70-е годы в Германии была задумана многотомная «Энциклопедия сказки», главным редактором которой стал видный немецкий фольклорист Курт Ранке²⁰. И. М. Колесницкую пригласили к сотрудничеству, и она написала для энциклопедии целую серию статей о русских дореволюционных ученых и писателях, чье творчество связано с фольклором (о Н. В. Гоголе, Ф. И. Буслаеве, И. А. Худякове, П. И. Якушкине), а также о наших современниках (о Т. М. Акимовой, В. П. Аникине). Получилось так, что до недавнего времени Российская национальная библиотека (бывшая Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге) не имела в своих фондах ни одного тома «Энциклопедии сказки». После кончины И. М. Колесницкой ее дочь, Т. В. Астахова (внучка А. М. Астаховой), передала в РНБ комплект энциклопедии, который принадлежал ее матери. Теперь у каждого, кто в стенах старой «Публички» возьмет в руки это ценное издание, есть повод помянуть добрым словом И. М. Колесницкую.

Ирина Михайловна Колесницкая скончалась 4 июля 1994 г. Ее земной путь закончен. Но с нами остались статьи исследовательницы. В фольклорном архиве Института русской литературы хранятся записи, сделанные в экспедициях, которые готовила И. М. Колесницкая, и обработанные студентами под ее руководством. В очередном выпуске сборника Пушкинского Дома «Из истории русской фольклористики» ждет выхода в свет последняя работа фольклористики: публикация неизвестных статей А. М. Астаховой и Г. С. Виноградова, посвященных детскому фольклору. Уходя из этой жизни, она успела выполнить свой долг

перед старшими товарищами, которые для нынешнего поколения фольклористов являются классиками науки об устной народной словесности. После И. М. Колесницкой остались ее ученики. В фольклористике работают Т. А. Новичкова, Н. П. Копанева, Е. В. Щеголева, М. В. Рейли, автор этих строк. Нить времен не прервалась.

Примечания

- ¹ Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1939. № 33. Вып. 2.
- ² Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. обществ. наук. 1951. № 2.
- ³ Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1952. № 158. Вып. 17.
- ⁴ Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. обществ. наук. 1954. № 3. Вып. 1.
- ⁵ Некрасовский сб. Т. 2. М.; Л., 1956.
- ⁶ Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1957. № 229. Вып. 30.
- ⁷ Русский фольклор. Т. 3. М.; Л., 1958.
- ⁸ Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. 1959. № 20. Вып. 4.
- ⁹ Некрасовский сб. Т. 3. М.; Л., 1960.
- ¹⁰ Там же. Т. 4. Л., 1967.
- ¹¹ Докл. и сообщ. филол. ин-та Ленингр. гос. ун-та. Л., 1951. Вып. 3.
- ¹² Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2.
- ¹³ Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1971. № 349. Вып. 74.
- ¹⁴ Русский фольклор. Т. 4. М.; Л., 1959.
- ¹⁵ Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5.
- ¹⁶ Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976. Вып. 3.
- ¹⁷ Там же. Уфа, 1974. Вып. 1.
- ¹⁸ Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1984. Вып. 11.
- ¹⁹ См. сборники и журналы: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975. Вып. 2; 1978. Вып. 5; 1981. Вып. 8; 1986. Вып. 13; 1987. Вып. 14; Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977; Русский народный свадебный обряд: Мат-лы и исследования. Л., 1978; Север. 1982. № 2; Сов. этнография. 1985. № 6; Народна творчѣсть та этнография. 1987. № 2 и др.
- ²⁰ Enzyklopedie des Marchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichende Erzählforschung. В.; N. Y. Издается с 1977 г., к настоящему времени вышло восемь томов.

Irina Michkailovna Kolesnitskaya

The article is devoted to the memory of the famous Russian folklorist. Her major interests lied in the fields of the history of folklore studies, relations between folklore and professional literature, and many others.

T. G. Ivanova